

540 тысяч белок и 540 тысяч пар рябчиков. В 1917 и 1918 годах цены были: десяток беличьих шкурок 12—13 руб., а пара рябчиков—1 руб. 30 коп.; следовательно, вся охотничья добыча определяется в сумме от 1 миллиона до 1.300.000 рублей.

Строя на таком расчете организацию приема пушнины и дичи и заручившись согласием „Северо-Союза“ (в гор. Вологде) о выдаче авансом товара на 50% условной стоимости пушнины и дичи, Правление Союза было уполномочено съездом, 10 июля 1918 года, приступить к этому делу. Однако, военные события (оккупация Англичанами Мурмана и Архагельска) помешали в полной мере осуществить этот план.

Этим же съездом уполномоченных, по докладу М. Д. Кузьбожевой о плане работ по внешкольному образованию и задачах кооперации в культурно-просветительной деятельности, было положено начало культурно-просветительной работе Союза Кооперативов, путем ассигнования на этот предмет из средств Союза на 1918—1919 годы 10.000 рублей.

А. А. Цембер.

К вопросу о коми терминологии.

Работа, рассчитанная на то, чтобы открыть что-либо новое в той или иной области, должна базироваться на результатах работы, ранее проделанной (рационально) в этой области. Это, конечно, не значит, что мы всякий раз должны начинать с Адама вообще, а в области зырянского языка с И. Куратова, когда имеем результаты работ более серьезных работников, однажды уже имевших под руками Адама и Куратова, и тем более работ, указавших место ранним работам.

Я имею в виду „словопроизводство“ в протекающей работе по установлению терминологии у Коми и труды финноведа академика Видемана, грамматика зырянского языка которого, написанная на основании текстов зырянского и пермяцкого наречий языка Коми, отражает, в деле создания терминологии ранее работавших терминологов, разнообразные случаи „словопроизводства“, совершенно неизвестные современным терминологам Коми. Полагаю, что коми тексты, которыми пользовался знаменитый лингвист находятся в Ленинграде, в Академии Наук, по месту работ академика, а отчасти рассеяны по Области Коми.

Приведем из книги Видемана некоторые, немногие, примеры творчества в упомянутой области, параллельно со словами живой речи:

кõдa, кõдас (посев);
гїжта, гїжтас (линия);
гõкта, гõктас (тяжесть);
пырõд, вогта (дыра,— могло бы
быть употреблено в биологии,
например, в значении термина
„пора“);
jugda (ясность);
кельда (бледность);
курда, курдас (горечь);
выјта, выјтас (вышина);
ыжда (величина);

ылда (отдаленность,— может быть
употреблено в чистом или не-
измененном виде „ылдõс“ в
значении „пространство“);
зелда (прочность);
зїрдас, зїрд (блеск);
жеңдас [жеңдõс, — М.¹⁾, крат-
кость];
жуждас [(жужда, — М.), глуби-
на,— М.];
јеждас [(јеждõс — М.), белое;
белизна,— М.];

¹⁾ С литерой М.— слова, предположительно предлагаемые автором.

шыльд, шыльдас (гладкость);	тöблöс (завернутое, пакетик);
чорас (твердое);	вёлöс (болезненный);
волас (блеск);	тырлöс (рычаг);
артмас [(артмöс,— <i>М.</i>), возникновение];	бурöт, бурöд (пермяцкое — закон, справедливость);
зугас [(зугöс,— <i>М.</i>), путаница];	гöрдöд (краснота);
јамас (падение);	курдöд, курда, курдас (горечь);
гöрас [(гöра,— <i>М.</i>), пахота];	кывјöд, кывјöс (речь);
кыјас [(кыјдöс,— <i>М.</i>), ловля];	пыкöд, мыжöд (подпора);
кылас (слух);	сімöд, сім [(пермяцкое—сымöт), ржавчина];
лїчкас [(лїчкöс,— <i>М.</i>), нажим];	увсöд (подкладка);
нужас (удлинение,— <i>М.</i>);	везöд (пермяцкое—сеть);
петас [(петöс,— <i>М.</i>), возникновение];	дöмöд (оковы);
сувтовтас (отдых; короткий отдых,— <i>М.</i>);	сотчöд (шлак);
чöвтас [(чöвтöс,— <i>М.</i>), бросок];	гöктöд, гöктöс, гöкмöд (ноша; тяжесть,— <i>М.</i>);
вежтас, вежтöд (мена);	тöбöд (свивальник и проч.);
вузас [(продажа), вузöс — продажный, -ая, -ое,— <i>М.</i>];	чінтöд, чінтас, чінтöс (отнятие, уменьшение);
мынтас [(мынтöс,— <i>М.</i>), возмездие];	ылöг (обманчивый, соблазн);
ышкас [(ышкöс,— <i>М.</i>), косьба];	дорјöг (защита);
муртас (мера);	дорöг (кузнечная работа);
пöтас [(кыном-пöт— <i>М.</i>), корм];	јөрөдöг (присяга);
чепöлтас, чепöлтöс (клещи);	колöг (потребность);
тупылтас, тупылтöс (вал);	отсöг (помощь);
быдмас [(быдмöс,— <i>М.</i>), растение];	полöг (боязнь);
быдтас, быдтöс (рассада растений);	пышјöг (бег);
гудрас (смесь);	шенчöг (диво);
јукас, јукöс, јукöд (порция, часть);	чöсмöг (сладость);
кодјас [(кодјöс,— <i>М.</i>), яма];	тувтöс, тувтчöг (поступь);
кыас, кыöд [(кыöс,— <i>М.</i>), ткань];	вермöг (сила, мощь);
кодас [(кодöс,— <i>М.</i>), прирост];	буждöд, буждöс (провал);
кодтас [(кодтöс,— <i>М.</i>), придача];	пукöс, пукас (жительство);
течас (куча);	öшјöд, öшјöс (занавес);
	помöс (плотина);
	чышкöс (мусор);
	заптöс, заптас (запас); и т. д.

Из вышеприведенных примеров видно, что „словопроизводство“ в живой речи богаче и разнообразнее, чем это предполагают лица, работающие над составлением лексиконики, и что значительная работа в этой области довольно успешно проделана прежними терминологами, работавшими, конечно, без должного контакта; этим, а отчасти параллелизмом слов в живом языке, и объясняются параллельные слова одного понятия („выјта“, „выјтас“, „кывтöд“, „кывтöс“, „курдöд“, „курда“, „курдас“, „гöктöд“, „гöкмöд“, и т. д.).

Секрет терминологического „словопроизводства“ заключается в умении „производить“ новые слова по аналогии с существующими в живой речи (есть „відлыны“ и „відлöг“, есть „лыддыны“, — „производим“: „лыддöг“, в выражении „лыддöгпаны“, в значении „букварь“; есть „вузавны“ и „вузöс“, „вузас“, есть „віставны“, — „производим“: „вістöс“ или „вітас“, в значении „рассказ“).

Не отрицая необходимости „словопроизводства“ при помощи суффиксов „ом“, „ан“, „ыг“, а особенно употребления живых слов-терминов с этими суффиксами, мы, однако, должны заметить, что современные терминологи прибегают к ним слишком часто, внося не только большое однообразие в „словопроизводство“, но и большую неопределенность, особенно там, где имеем наиболее часто употребляемый суффикс „ом“.

Дело в том, что слова с этим суффиксом и первоосновой, совпадающей (морфологически) с глагольной основой, имеют в огромном большинстве случаев не менее трех, а для некоторых мест и четырех значений. Так, слово „веккõдõм“ может быть употреблено в значении существительного без подчеркивания процесса действия („Кок веккõдõм-тõ ме тенгыд кывлi“), в значении существительного с подчеркиванием процесса действия („Веккõдõм-жõ-õд, зонмõ, тенад“), в значении прилагательного („Веккõдõм-кокыд омõл“), в некоторых местах в значении глагола („Педõрыд-тај коксõ веккõдõм“) и т. д.

Слова с суффиксами „ан“ и „ыг“ тоже имеют до 3-х и более значений („сын ан“—существительное, прилагательное, глагол; и т. д.).

Между тем, примеры „словопроизводства“, приведенные из Видемана, указывают на возможность более разнообразного „словопроизводства“ и на возможность достичь большую определенность, при возможно редком употреблении суффиксов, присущих нескольким частям речи, там, где имеются общие для разных частей речи корни. Так, даже слово „кõзас“ (посев) с его суффиксом „ас“, присущим и имени и глаголу, будет иметь всего только два значения, вместо „кõзõм“, с его 4-мя значениями; „зiрдас“ имеет только одно значение, несмотря на недифференцированный суффикс, ибо он дифференцирован в целом,—это вместо „зiрдальм“, с его 4-мя значениями; и т. д.

Необходимо попутно упомянуть о том, что при необходимости „производства“ терминов от общих корней и при все-же ограниченном количестве суффиксов, да еще, в большинстве случаев, недифференцированных, представляется крайняя необходимость прибегать к сочетанию слов, после чего полученные таким образом термины становятся относительно более понятными, как имеющие (в начале) описательный характер. Например, слова: герпас (картина); * лыд дõгпаныг (букварь); кывкостõујõд (вставка, примечание); и т. д.

более понятны, нежели, например,

гiжас (у Видемана—„живопись“) и проч.

Необходимость сочинения слов вытекает непосредственно из задач культурного возрождения массы, несоздавшей лексикона, необходимого для ее поднятия до того культурного уровня, до которого должна и может поднять ее интеллигенция.

Та часть „терминологов“, которая, признавая необходимость обогащения современного лексикона мало-культурных национальных меньшинств одними только интернациональными терминами (есть среди Коми и Мари), не учитывает то обстоятельство, что сокровищница интернациональных терминов имеет по преимуществу только термины, как таковые, и обслуживать язык необходимой, в вышеуказанном широком смысле, лексиконией не может. Так, если интернациональная терминология дает слова: „гидростатика“, „морфология“, „психопатология“, „неврастения“ и т. д., то „дороговизну“, „подпись“, „вознаграждение“ и огромное количество других аналогичных слов, до которых поднялась интеллигенция и до которых последняя должна поднять массу, не имеет.

Что же касается течения в пользу заимствования всех интернациональных слов (как можно понять статью тов. Разманова в „Jugyd Tuj“²⁾, то это повело бы к изгнанию из языка Коми таких слов, как „вӧв“ (лошадь), „ва“ (вода) и т. д., с заменой их „equus“, „aqua“ и проч.

Считаю уместным здесь же сказать несколько слов о терминологии вообще, в дополнение к моей статье, помещенной в газете „Jugyd Tuj“³⁾.

Все термины и слова-термины вообще, неизбежно входящие во всякую вновь возникающую литературу, можно грубо разбить на следующие группы:

1) группу национальных слов-терминов и

2) „заимствованных“ „ — „

При чем первая группа разобьется на две нижеследующие подгруппы:

а) подгруппа живых национальных слов-терминов и

б) „сочиненных“ „ — „

Вторая группа — „заимствованных“ слов-терминов, в свою очередь, имеет две подгруппы:

а) подгруппа интернациональных слов-терминов в целом и

б) „ — „ — „ при национальных морфемах

С другой стороны, вся наличность понятий, к обслуживанию которых призваны все слова-термины, могут быть разбиты тоже на две группы:

1) группа понятий, имеющих в живой речи данного языка и

2) „ — „, не имеющих в живой речи „ — „

Само собой разумеется, что вторая группа слов-терминов („заимствованных“) должна обслуживать лишь понятия, которых нет в живой речи (было бы абсурдом вводить чуждый литературный элемент без крайней нужды).

Первую же группу слов-терминов („национальных“) придется связать с обоими группами понятий, т.-е. с имеющимися в живом национальном языке, а по возможности и с такими, которые вводятся в этот язык впервые.

О необходимости сочинения национальных слов-терминов мы говорим не только потому, что интернациональная сокровищница не может обслуживать всей необходимой нам лексики, потому что здесь по преимуществу термины в собственном смысле, но и потому еще, что использование всей интернациональности, хотя бы и предложенной любезно к нашим услугам, совершенно наводнило бы наш язык, сделав его maximal'но-непонятным для массы. Дело в том, что составляя лексикон, необходимый для создаваемой в данный момент по данному предмету литературы, мы должны помнить еще и о том, что, наряду с этим лексиконом, понадобится другой, необходимый для другой литературы по ряду других вопросов, требующих свой особый лексикон. И задача руководящей интеллигенции дать необходимые для культурного возрождения массы понятия при minimum'e интернационального затруднения. Вот почему мы говорим, что первую группу слов-терминов придется связать, как с понятиями, уже существующими в массе (живые национальные слова-термины), так и с понятиями, вводимыми впервые (сочиненные национальные слова-термины).

И вот самой важной задачей терминологов является „сочинение национальных слов-терминов“, соответствующих группе понятий последнего рода.

В. Молодцов.

²⁾ № 14 (1091), от 18 января сего года; стр. 3.

³⁾ № 23 (1100), от 31 января с. г., стр. 2—3; — статья «К вопросу о шрифте».